Денис Старый

Завет Петра 8

Рождение Колосса

Денис Старый

Завет Петра 8. Рождение Колосса

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 8. Рождение Колосса / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 30
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Денис Старый
Завет Петра 8. Рождение Колосса

Глава 1

Киев.

Июнь 1726 года.

Где император – там и столица. Не совсем правильное изречение, но имеющая право быть. Ситуация вынуждала меня присутствовать тут, не совсем на войне, но относительно близко к ней.

Вот и прибыла, так сказать, “первая партия” моих царедворцев. Сюда стягивались те министры и генералы, которые должны были находиться при мне безотлучно на время ведения войны. Но не только они.

Неожиданно для всего двора я потребовал в срочном порядке, бросив все дела, явиться ко мне казанского губернатора Артемия Петровича Волынского. Причем в курьерской депеше я намеренно не удосужился указать, в чем кроется причина столь скорого и категоричного отзыва чиновника с Урала.

Я сделал это специально. Пусть понервничает в дороге. Пусть этот амбициозный, умный, но безмерно жадный до власти и денег вельможа трясется в возке тысячу верст и гадает: зачем его вызывает Император? Чтобы наградить? Или чтобы судить, отправить в казематы Тайной канцелярии, а может — и вовсе казнить на эшафоте? Полезно иногда держать своих сатрапов в ледяном тонусе.

А потом я подумал: ну и пусть переживает. Он молод, амбициозен, сердце у него, судя по всему, здоровое — не разорвется. Пусть привыкает ощущать почти животный страх перед моим гневом. Этот липкий пот холодной ночи в возке заставит его в следующий раз трижды подумать, прежде чем сверх дозволенной, негласной меры запускать свою наманикюренную руку в государственную казну.

Это да, за своей внешностью Волынский смотрит до неприличия тщательно. Даже ногти у него не грызанные, а аккуратно пострижены. Одет по последней русской моде, где французское платье совмещается с польским. Ну и без парика, однако с зализанными длинными волосами, от которых разило гусиным жиром. Франт, мажор, позер. Но ведь работает так, что нельзя не отметить.

И все равно ведь ворует, паразит. Несмотря на то, что я — неслыханное дело для России! — официально посадил его на «кормление» нового типа, выделив законный, легальный процент от всего растущего дохода губернии. И всё равно ворует.

Еще, конечно, не в тех астрономических масштабах, что «Данилыч» Меншиков — до этого уровня наглости ему пока далеко. Однако я понимал: если поставить Волынского на по-настоящему серьезную, бесконтрольную должность, он бы еще посоревновался со Светлейшим в деле распила бюджетов. Талант у него к этому был.

И вот сейчас этот талант сидел передо мной. Распушился, как павлин. Счастливый, аж светится. Еще бы не светиться — ведь как минимум жизнь ему сохранили! Вызывал-то я его вовсе не для того, чтобы судить и на плаху отправлять.

Тайная канцелярия, конечно, регулярно клала мне на стол доносы о том, что нет-нет, но рука Артемия Петровича к казенным деньгам Казанской губернии все-таки тянется. Но, надо отдать ему должное, делал он это настолько технично, грамотно и по-тихому (да и брал, в сущности, немного), что я закрывал на это глаза.

Если начинать карать за такие «мелкие» прегрешения — когда из губернского бюджета исчезает каких-то жалких процентов пять, тем более, когда за меньше чем год губерния увеличила доходность на четверть— мне придется пересажать на кол абсолютно всех чиновников в Российской Империи, от министров до последнего мелкого писаря. Систему за один день не переломишь.

Но счастлив Артемий Петрович был не только от того, что избежал топора. Он сиял оттого, что получил невероятное, фантастическое по своей власти назначение.

Я сделал его не просто генерал-губернатором. Я назначил его своим личным Наместником Новороссии и Тавриды. Это был статус, стоящий на ступень выше любого губернаторского кресла. Де-факто я делал его полноправным правителем этих бескрайних, диких земель, с правом принимать многие оперативные и стратегические решения самостоятельно.

Впрочем, иллюзию этой самостоятельности я развеял быстро. Все те «судьбоносные решения», которые Наместник должен был принимать в будущем, он уже получил. Из моих рук. В виде тяжелой, пухлой папки с сургучной печатью.

Этот колоссальный план развития Новороссии и Тавриды Волынский прочитал за одну ночь, глотая страницы взахлеб. И уже на следующее утро он стоял передо мной, трясясь от административного экстаза. Такой эмоциональный подъем и огонь в глазах Артемия Петровича мне понравились.

— Голову только не теряй, – говорил я ему.

— Клянусь всеми святыми, – спешно отвечал тогда он, при этом неистово крестился, божился и, кажется, был готов сделать себе обрезание, если бы я того в шутку потребовал (несмотря на то, что позиционировал себя ревностным христианином). Он готов был на всё, лишь бы ему позволили реализовать хотя бы малую часть того величия, что было изложено на тех бумагах.

Я ведь не стал замахиваться на грандиозные имперские стройки, которые в моей прошлой реальности начались лишь при Николае I. Я взял за основу — и то не полностью — тот блестящий проект освоения Юга, который в свое время удалось реализовать гениальному Григорию Потёмкину-Таврическому.

Идея создания Новороссии созрела в моей голове еще до того, как наши штыки пересекли границу Крымского ханства. Иван Тихонович Посошков, первый русский экономист, будучи тогда еще относительно бодрым старичком (а не немощным инвалидом, коим он стал сейчас, едва передвигая ноги), по моему приказу произвел серьезнейшие финансовые расчеты.

Мы ломали головы над тем, где взять деньги и как обустроить эту гигантскую степную пустошь так, чтобы она не стала черной дырой для казны, а начала приносить доход. Иначе Россия просто не потянула бы те макроэкономические рывки, которые я планировал.

Масштабы предстоящих строек впечатляли, а сметы пугали.

— Все ли прочитали проект развития Новороссии? – обратился я к присутствующим на Совете.

Они закивали головами. Еще бы... хорошо, что приучил чиновников приходить на совещания только подготовленными. Были эпизоды, что я даже Остермана отправлял изучать матчасть и менять доклад. Никому не хотелось испытать на себе мой гнев и лишиться зуба. Бывало, что и бил я своих чиновников, чего уж там. Не без этого.

Спешно министры и губернаторы закивали головами. Трубецкой был последним, кто исполнил этот, привычный для моих приближенных знак. Но он нужен на таких совещаниях. Киевская губерния, вернее, генерал-губернаторство с будущим расширением – это своего рода опора для строящейся Новороссии.

Здесь нужны первые мастерские и заводы, где массово бы производились плуги и другой нужный сельско-хозяйственный инструмент. Те же косы. Да, я, вернее мой реципиент, ввел их. Но только на Киевщине я увидел именно массовое применение этого инструмента. А из

истории экономики даже и помнил, что еще император Павел велел произвести тысячи кос, а то, как по-старинке, серпами много где убирают урожай, да сено заготавливают.

— Высказывайтесь! – повелел я.

— Все это, – первым, конечно, взял слово канцлер Российской империи Андрей Иванович Остерман. – Не возможно без того, кабы по Днепру и по Дону судоходство было.

— Правильно мыслишь. Потому нужно пороги Днепровские взрывать, русло менять, каналы у Днепра прокапывать. Быстро сие сладить, – сказал я.

Согласен с Остерманом. И, признаться, ума не приложу, как удалось Потемкину еще и до того, как по его приказу были взорваны пороги, уже наладить логистику? Нам, чтобы запустить всего-то одну полноценную верфь и заложить два фрегата на ней, в Гезлеве, так пришлось напрячься, что, казалось, вернее было бы даже и не начинать строительство Черноморского флота прямо тут, на месте.

— Ну и Дон у нас уже открытый. Значит с Воронежа нужно увеличить поставки и не только военные. Граф Чернышов, готовы ли вы к этому? – обратился я к главному интенданту.

Он старался выглядеть лихим. Но было видно, что устал. И я прекрасно знал, что, несмотря на то, что допущено много ошибок, этот человек делает просто невозможное по нынешним временам.

— Нам нужно уже сейчас, не взирая на войну, чтобы не было отговорок, начинать строительство. Уже многое подготовлено под это, – продолжал я Совет.

Действительно, кроме того, что уже полгода идут в Крым поезда из обозом в оружием, порохом, боеприпасами, мы доставляли сюда и строительные материалы. Мало того, два кирпичных завода уже работают и выдают кирпичи, собрано немало камня для строительства. А еще... мы сделали в печах, сложенных в городе Кашира, что под Тулой, цемент. Тут же и бетон.

Есть теперь у нас возможности для того, чтобы камень быстро скреплять, как и кирпич. И бетон, пусть он не может быть такого качества, как в будущем, но ведь вряд ли хуже, чем делали древние римляне. И он может стать и обязательно будет тем материалом, который позволит нам строить нужные укрепления, да и всевозможные здания, в два, в три раза быстрее.

Волынскому предстояло одновременно, в чистом поле, заложить сразу четыре новых города. Включая, разумеется, базу флота — Севастополь. Предстояло сровнять с землей еще даже не занятый нами турецкий Хаджибей и на его месте с нуля начать строить красавицу-Одессу.

И строить там не просто дома, а в первую очередь — портовую инфраструктуру: молы, склады, таможни. Потому что этот порт должен был — пусть не сразу, но лет через пять-семь — начать приносить Империи сумасшедшую торговую прибыль от экспорта зерна.

Как я рассчитывал, что не только зерном мы торговать будем, даже в условиях, что его у нас должно быть в достатке, благодаря развитию сельского хозяйства в Диком Поле. Русские пенька, канаты, парусина – все это можно продавать и Южной Европе. А металлы...

И все же отдельным пунктом в папке шло сельское хозяйство.

— Сколько стоит бутылка венгерского вина? А сколько французского? А если у нас свои вина будут недурными? – говорил я, проходясь по каждому из пунктов бизнес-плана развития Новороссии.

Вино в России пьют многие аристократы. Но оно у нас всё сплошь импортное: рейнское, венгерское, французское. За золото покупаем! А ведь мы могли бы делать свое, ничуть не хуже, если разобьем виноградники в Крыму.

Да и помимо винограда — почему в этой эпохе совершенно не развито промышленное выращивание той же черной смородины или вишни? Я искренне не понимал, почему здесь не существует нормальных, масштабных фруктовых садов. Но это уже в меньшей степени относится к региону. А вот в иной местности, да хоть бы и под Смоленском – пожалуйста. Ягоду

только собрать, да качественные наливки и настойки делать. Еще и Европейцев пристрастим к своим винам. Нужно только делать их сладкими, как ликеры. Ну и молочные...

Я приказал Волынскому разбить на юге гигантские плантации — яблоневые, грушевые, вишневые. Все возможные. Целенаправленно, в промышленных масштабах собирать ягоду и фрукты. Куда это всё употребить — мы найдем: на наливки, на варенья для армии против цинги, на экспорт.

Конечно, пройдут годы, прежде чем эти саженцы станут плодоносить и давать первый урожай. Но главное, что маховик был запущен. Дело было положено. И Волынский, с его энергией и хваткой, был именно тем тараном, который пробьет для меня этот путь на Юг.

Само собой разумеется, одним из ключевых столпов будущей экономики Крыма должна была стать торговля шерстью и масштабное коневодство. По моим расчетам, со временем это должно с лихвой перекрыть всю ту кровавую сверхприбыль, которую крымские татары веками получали от работорговли.

И ведь это занятие нисколько не ущемляет их степные, кочевые души! Это вам не в земле ковыряться, не пшеницу сеять да огороды полоть. Коневодство и овцеводство — это то, чем не гнушались заниматься даже самые великие предки крымских татар, те самые монголы Чингисхана.

— Будут после и дополнения, и сам Артемий Петрович должен думать, в чем для России и для края может быть с этих земель. Но как все это начать ладить, если война? – говорил я.

Посмотрел на в последнее время изрядно осунувшегося Голицына. Министр военных дел сдал, не отнять. И скоро его ждет другое назначение, менее энергозатратное, почетная пенсия я бы сказал. Но пока что работать!

— Что же вы молчите, Михаил Михайлович? — ледяным тоном обратился я к всё ещё министру военных дел Голицыну.

Князь суетливо перебирал бумажки в своих руках, видимо, никак не находя начала доклада. Пауза неприлично затягивалась.

— Вы же знаете, что я люблю, когда мои министры держат все сведения в голове, а не только лишь показывают мне, что матушка с батюшкой научили их читать и знакомые литеры на бумаге находить, – наседал я на старика.

Некоторые из присутствующих за столом злорадно усмехнулись. Причем большая часть этих насмешливых улыбок даже не была спрятана.

Настал тот опасный момент, когда Михаила Михайловича Голицына перестали бояться. Его стало можно в открытую осуждать и вот так, почти в глаза, над ним насмехаться. Уж не знаю, просочилась ли в кулуары суть нашей недавней тяжелой беседы, или же опытные придворные, как стервятники, просто тонко почувствовали изменение моего отношения, но факт оставался фактом: Голицын стремительно превращался в «мальчика для битья».

А этого я допустить не мог. Не потому, что жалел его. Просто человек, который одним своим взглядом должен решать сложнейшие армейские вопросы и внушать трепет генералам, не имеет права быть посмешищем. Иначе посыплется вся дисциплина. Я решил не добивать его и резко сменил тему, переведя взгляд на канцлера.

— Андрей Иванович, — обратился я к Остерману. — Ты мне так и не доложил: что мой венценосный брат Август? Собирается ли прислать свои доблестные польские войска нам в помощь?

Теперь заулыбались все, включая и самого Голицына, который до этого сидел смурной и явно чувствовал, как его авторитет дал критическую течь.

Отношение к польской армии у нас при дворе было весьма своеобразным, порой нелогичным и полным противоречий. С одной стороны, в России до сих пор на подкорке сидел некий пиетет перед Польшей, как перед одной из цитаделей европейской культуры и былого

гонора. Польская кавалерия все еще казалась показательной, хотя она уже устарела и явно же уступала другим конным в Европе. Тем же шведам, которых мы вот только что разбили.

К слову сказать, вестернизация России началась вовсе не с Петра Великого. Если посмотреть на двор его предшественника, царя Фёдора Алексеевича, то там вовсю уже носили европейское — а точнее, польское — платье. Польская мода и шляхетская культура очень плотно засели внутри русского дворянства еще с тех времен.

Она была во многом ближе и понятнее, чем немецкая или голландская. И сейчас, когда моё отношение к жесткому дресс-коду стало менее строгим, и люди начали одеваться в угоду скорее удобству, нежели принуждению, можно было с уверенностью сказать: угроза ползучей «полонизации» двора, если её не сдерживать, может встать в России в полный рост.

Чего греха таить, даже я в какой-то степени совмещал в крое одежды польские элементы с голландскими. Хотя в последнее время я всё же предпочитаю гражданскому платью военный мундир — то Преображенский, то Семеновский, а чаще даже строгий, предельно функциональный мундир полка Почетного караула.

Тут я уже внедрил погоны, понятные мне. И только собираемся переводить на такие формы отличия и другие войска. Удобные штаны, прямые, а не лосины какие, что нормальному мужику постоянно нужно кое-что поправлять. И смех и грех и трагедия, когда солдат или офицер отвлекается на личные мелочи, вместо того, чтобы концентрировать внимание не сражении.

— Польский король отряд пришлет, минхерц, — с тонкой усмешкой ответил Остерман.

Надо же, как гордо он меня назвал — «минхерц». А ведь другим сановникам подобная фамильярность уже давно категорически не позволялась. Это было своеобразным маркером, обозначением его статуса особо приближенной персоны.

С другой стороны — пусть называет. Лишь бы дело делал. Меньше будет думать о том, что в Петербурге остался, так сказать, «на хозяйстве», Алексей Петрович Бестужев – его конкурент за руководство правительством. И что именно он, Андрей Иванович, теперь де-факто главный по всей внешней политике из северной столицы.

А ведь там, на берегах туманной Невы, пока что так и остались сидеть все иноземные послы. Правда, что-то мне подсказывает, что в самом скором времени весь этот пестрый дипломатический корпус дружно сорвется с места и прибудет сюда, в Киев.

Потому что столица Империи — она не там, где стоят красивые дворцы. Столица там, где находится русский Император. Да и как, скажите на милость, тем же австрийцам, голландцам или изворотливым французам не прискакать сюда? Им ведь жизненно необходимо своими глазами понаблюдать за всем тем грандиозным переделом мира, что прямо сейчас вершится на юге России.

— Это хорошо. Это очень хорошо, — негромко произнес я, откинувшись на спинку кресла. – Поляки нам тут очень нужны.

Не все поняли, на кой ляд они сдались нам. Еще под ногами путаться станут, а потом и славу себе присвоят, что мол, были полноценными участниками войны.

Но пояснять свою мысль вслух я не стал. Умный и так поймет, а дураку в этих стенах делать нечего. Вернее, не дураку, а человеку, далекому от хитросплетений большой внешней политики — вроде того же товарища министра экономики Петра Ивановича Скорнякова, которого сейчас закономерно волнуют исключительно цифры в сметах, а не дипломатические маневры.

А понимать тут следовало вот что. Сам факт участия Речи Посполитой в этой войне — даже если они пришлют всего один захудалый полк в пятьсот сабель — это колоссальный политический шаг.

Мало того, что де-факто оформляется военный союз России и Польши, в котором всем очевидно, кто ведущий, а кто ведомый. Запускается механизм постепенного поглощения, свое-

образная форма зависимости Польши от России, которая в дальнейшем будет только углубляться. Вплоть до полного вассалитета, а там, глядишь, и до чего-то более серьезного.

Я прекрасно понимал тактику и стратегию Османской империи. Вспомнились некоторые эпизоды и из истории. То, чего уже не произойдет, но что характеризует нашего врага.

Турки, оценив расклад сил, с превеликим удовольствием ударят именно по Польше, осознавая, что Россия — противник куда более страшный. Достаточно будет одного нашего крепкого удара на юге, и османы переключатся на польские земли.

Их цель — принудить поляков выйти из войны и выторговать преференции перед мирными переговорами с нами. Султан уверен: мы тут же бросимся спасать союзников, а янычары к тому времени будут уже где-нибудь под Волынью (чему я совершенно не удивлюсь, зная плачевное состояние нынешнего коронного войска). Но турки даже не представляют, какую игру веду я.

А к вопросу пришлет ли Август войска... Я же ему послал выкладки из дела об измене присяге, где фигурирует Польша, как строящая козни против меня и готовящая покушение. Захочет ли замять историю Август? Да! И не только он, но и польские элиты, в которых у Потоцких вполне существенный вес.

Так что я ожидал все же не пять сотен сабель, а армию в тысяч двадцать. Такой себе корпус, который скорее для численности, ну и чтобы закрыть второстепенное направление.

Вот она – работа монарха. Мы работали уже как бы не три часа, а ведь вопросов еще...

— Предлагаю пообедать, а после продолжим, – сказал я.

Эх! Как же там мои родные? Обедать я предпочитал бы с ними. Но, к сожалению...

И ведь в том числе и для них стараюсь, чтобы империя досталась наследнику таковой, что и какие ошибки, допущенные приемником, не подкосили бы ноги мощному Колоссу под названием “Российская империя”.

Глава 2

Киев.

Июнь 1726 года.

Поели... скудно и скучно, почти что молча. Я очень редко отходил от своего правила здорового питания. И точно этого нельзя делать в условном походе, когда и военные решения принимать и дипломатические. Так что и я, и мои министры, губернатор Киевской губернии, довольствовались отварной говядиной с гречей и салатом из сезонных овощей, прежде всего, огурцов, конечно, ну и молодой капусты.

— Вернемся к политике, – когда унесли самовары и закончилось чаепитие, сказал я.

— Из Пруссии вести есть? — перевел я взгляд на Остермана.

— Серчают они на нас, минхерц. Союзничать не желают. Того и гляди, в открытую против нас выступят, — спокойно ответил канцлер.

Что же касается большой европейской политики, то на доске оставалась лишь одна фигура, мешающая России окончательно превратить Балтику в свое внутреннее озеро — Прусское королевство. И никак они не вписывались в мою систему внешней политики. Да и после того, как мы расправились со Швецией, пруссаки не могут не видеть того Дамоклова меча, что уже занесен над из головами.

И нет, я не собирался идти войной на Пруссию. Я и вовсе желал бы войной с османами отставить эту затею и еще плотнее заняться экономикой, чтобы “прожевать” все откушенные куски.

— Войны с пруссаками при нынешнем нашем союзе с австрийцами нам не избежать, – Остерман развел руками в показном бессилии.

Хитрец он. Заранее “стелет соломку, чтобы падать было мягче”, когда случится такой провал в нашей внешней политике.

«Ну и ладно. Буду первым русским Императором, кто возьмет Берлин», — мстительно и даже как-то весело подумал я.

Но тут же прогнал это “шапкозакидательство”. О нашей пуле уже могут знать и пруссаки. Два-три года и они насытят армию новыми родами войск. И тогда мы умоемся кровью. Так что аккуратнее нужно быть. Если кто-то из европейских стран вдруг становится откровенно сильнее других, то чуть слабейшие объединяются, дабы опустить до своего уровня, или даже ниже, вырвавшегося вперед.

А тут Россия! Та, о которой еще четверть века и не думали, как о серьезном игроке на европейском поле. А мы уже и Швецию подмяли...

— Следи только, Андрей Иванович, чтобы австрийцы не переменились. Против всей Европы нам не сдюжить, – сказал я.

После посмотрел в свой кроссбух. Что там дальше по повестке?

— Господа, — я обвел взглядом Военный совет. — Нам нужно выработать с вами четкую позицию, кою потребно через послов отослать султану. Предлагаю действовать гибко. У нас на каждый турецкий ход, на каждое изменение на фронте должны быть заготовлены свои требования. И вот с какими из них они в итоге захотят согласиться и заключить мирный договор — решать будем мы. И решать на поле боя.

Закипела кропотливая штабная работа. Четвертый час работы, но кто сказал, что служить мне легко? Я ведь никого не держу, пусть уходят в забвение, если не справляются.

Но мы, наконец, подобрались и до непосредственной стратегии в войне. Тактический уровень пусть определяют фельдмаршалы. Но вот стратегия – это только за мной. И никакие переговоры отдавать на откуп будь кому, я не собирался.

— Нам нужно сформировать пять пакетов требований к Османской империи — от самых мягких до уничтожающих.

По первому, «нулевому» пакету, султан должен был просто отказаться от войны, признав за нами Крым и все турецкие крепости в Северном и Восточном Причерноморье. В этих требованиях мы даже не задевали вопрос Кавказа, который для меня был стратегически архиважным. Но я был абсолютно уверен, что султан не пойдет на то, чтобы закончить войну, еще её по сути и не начав.

Подобные трусливые действия неминуемо привели бы к бунту янычар обострению противоречий султана и мусульманского духовенства, которое и без того имеет место быть. Как следствие – свержение правителя. Этот пакет требований был чистой формальностью, красивой оберткой для европейских глаз: мол, мы предлагали мир, они сами отказались.

Но по мере того как будут развиваться события — а сразу после нашего первого боевого столкновения, которое, я искренне верю, будет победоносным, — условия начнут стремительно ужесточаться. На смену уступчивым нотам придут жесткие ультиматумы.

В дело пойдет Кавказ: признание зоны ответственности России над Картли-Кахетинским царством, а также присоединение части армянских земель. Границы еще предстояло кроить на переговорах, но одно я знал твердо: священная гора Арарат должна оказаться внутри нашей черты. Дальше – больше.

Слушая гул голосов склонившихся над картами сановников, я вдруг поймал себя на мысли о географии власти. Управлять гигантской Империей отсюда, из Киева, было не сложнее, чем из Петербурга.

Дорога до старой столицы, Москвы, занимает дней десять в хорошем темпе — не такое уж огромное время. Зато отсюда, с берегов Днепра, я могу держать все новые, бурлящие южные земли под плотным, личным контролем. Я, конечно, не собирался бросать свой «Северный Амстердам» на Неве, он продолжит расти. Но мысли о рациональном распределении центров управления то и дело посещали мою голову.

— Последнее требование – отдать Константинополь, православный Царьград нам, – сказал я. Немая сцена. – И невозможно возможно, господа. И так... С Богом. Настало время показать султану, что в Северном Причерноморье появился новый, настоящий хозяин. Военный совет окончен. Всем приступить к своим делам. Послезавтра жду с отчетами о проделанной работе. Вы знаете, что вам делать.

***

Окрестности Хаджибея.

16 июня 1726 года.

Великий визирь Османской империи Невшехирли Дамат Ибрагим-паша не улыбался уже больше месяца.

А ведь весь Стамбул знал его как человека на редкость дружелюбного, обходительного, с вечно играющей на губах тонкой, всепонимающей полуулыбкой. По крайней мере, таким он казался.

Придворные шептались: чтобы так долго удерживать печать Великого визиря — должность, которая в Блистательной Порте была сродни разменной монете и порой меняла хозяев по три раза на дню, — нужно обладать разумом шайтана и сердцем, выкованным из дамасской стали.

Под бархатной перчаткой этого утонченного ценителя тюльпанов скрывалась мертвая хватка прожженного интригана. Но теперь эта хватка слабела. С потерей Крыма, с русскими успехами, все больше голосов раздавалось в пользу того, что нужно что-то менять.

Как это часто бывает: критиковать легче, чем предлагать что-то дельное. И те, кто высказывается, пусть пока что и шепотом, за перемены, – они не знали, что именно нужно изменить к лучшему.

— От поступей наших предков земля и ноги дрожали у наших врагов. Нужно вернуть это, – говорили все несогласные с политикой визиря и султана.

“Как? – постоянно мысленно спрашивал Невшехирли Дамат Ибрагим своих оппонентов.

Мысленно, так как начинать в голос дискутировать – это только сотрясать воздух и терять лицо. От него ведь именно этого и ждут.

Ибрагим-паша стоял на возвышении, обдуваемом сухим, колючим ветром, и смотрел сквозь пыльное марево на проходящее мимо воинство. Уже который день по выжженной земле, поднимая тучи удушливой серой пыли, непрерывным потоком текли войска.

Звенела сбруя, глухо били барабаны, ревели верблюды и мулы в обозах. Краски знамен резали глаз. Казалось, что идет несокрушимая сила, противопоставить которой никто ничего не может.

Но визирь, будучи искренним поклонником всего европейского и главным проводником султанских реформ, смотрел на эту пеструю, колоссальную орду с нарастающим ледяным ужасом. Он слишком хорошо понимал: в наступившем железном веке количество больше не означает качество. Средства поражения совершенствуются.

Его оппоненты опять бы сказали, что мастер-оружейник из Константинополя делает лучшие и красивейшие ружья, чем голландцы, или даже французы. И это было так. Но они не понимали, что голландцы, французы, иные европейцы, отказываются от укрошательств, ускоряют работу настолько, что пока турецкий мастер сделает одно ружье, голландская мануфактура сладить их сотню.

А еще недавно русские одержали ошеломляющую, ломающую все расчеты победу над Швецией. Возможно, сам султан и Великий визирь не поддались бы такой панике, если бы не увидели лица своих иностранных советников.

Французы были напуганы. Французы... те, которые откровенно считали, что только лишь они законодатели военного искусства. Да, оправданием было то, что русские силы возглавил Саксонский – бывший французский полковник... Так себе оправдание, о чем понимали все.

А еще напудренные, высокомерные физиономии французов— лица людей, считавших себя истинными кукловодами европейской политики, — теперь выражали ту же самую сковывающую тревогу, что грызла изнутри самого Ибрагим-пашу. Посол Франции, виконт д’Андрезель, всегда излучавший высокомерие Версаля, на последних аудиенциях выглядел бледным и дерганым.

— Не получится ли так, что русские разгромят и французов? И почему мы тогда должны доверять вашим тактикам и советам? – задавали ему вопросы, на которые виконт откровенно ничего не мог ответить, ну кроме только бравады, которой и у турок в избытке.

А ведь как всё начиналось! Когда в Топкапы поступила весть о том, что шведы, а за ними, по слухам, и Англия готовы объявить войну России, в рядах собирающейся турецкой армии царило бешеное воодушевление. Распаленные дервиши кричали на площадях, что настал час ударить в спину неверным. Казалось, русские просто не успеют выпутаться из одной войны, как получат сокрушительный удар с юга. В диванских кулуарах уже делили шкуру неубитого медведя: мечтали вернуть не только влияние над Крымом, но и отхватить всё Поднепровье с Волынью.

А теперь? Иллюзии развеялись, оставив после себя горький привкус песка на зубах. Русская военная машина не дрогнула, а лишь развернула свои жерла на юг.

— Великий господин идет!

Хриплый шепот вырвал визиря из мрачных мыслей. К нему, спотыкаясь о полы богатого халата, тяжело дыша и утирая потный лоб, спешил его личный помощник. Это был пухлый, неказистый, невысокого роста человек, которого многие по ошибке принимали за глупца. Но Ибрагим-паша знал цену людям: под этой смешной внешностью скрывалась настолько свет-

лая и расчетливая голова, что ее аналитические таланты с лихвой окупали любое физическое уродство.

Визирь мгновенно подобрался. Мышцы лица привычно сложились в маску преданной, почтительной безмятежности. В Европе многие посольства ошибочно считали, что Империей де-факто управляет визирь, а султан лишь кивает в такт его словам. Возможно, доля правды в этом была. Но Ибрагим-паша никогда, ни единым жестом не позволял себе выглядеть неопрятно, неподготовленно или бросить косой взгляд на своего повелителя. Ахмед III не был величайшим правителем в истории Османов, но в его руках всё еще была сосредоточена абсолютная власть — власть рубить головы.

Султан приближался. Его окружала колоссальная свита. Впереди и по бокам мерно шагали гиганты-янычары из личной гвардии. Их лица, скрытые тенью высоких белых войлочных шапок, оставались непроницаемыми. Они взирали на всех вокруг, включая самого Великого визиря, как на мелких букашек, которых при желании можно раздавить одним ударом сапога.

В воздухе густо запахло мускусом, розовым маслом и тяжелым мужским потом.

Настроение Ахмеда III разительно контрастировало с тягостным напряжением его главного министра. Властелин полумира казался расслабленным, почти парящим над суровой реальностью военного лагеря.

— Мой верный друг, — мягко, почти мурлыча, обратился султан к Ибрагим-паше.

Уже одно это неформальное обращение, нарушающее строгий этикет, говорило визирю о многом. Очевидно, эту ночь Великий господин провел весьма бурно и остался безмерно доволен. Ибрагим-паша знал источник этого довольства: недавно в гарем доставили новых наложниц, захваченных на русских границах.

В этом крылась какая-то темная, извращенная психология правителя. Ахмед III словно мстил гигантской, пугающей России, мстил самому Петру Великому за все геополитические унижения, отыгрываясь на этих девушках. Их вырывали с русских и малороссийских земель с огромным трудом и кровью, через набеги крымчаков. Визирь знал, что последней фавориткой стала русинка — круглолицая, светловолосая девка из приграничной Верхней Молдавии.

Для султана не имело значения ее точное происхождение. В его глазах она была «русской». Он экспериментировал на ней, теша свои самые изощренные пороки, и искренне, физически наслаждался абсолютной, рабской покорностью представительницы той самой нации, которая сейчас грозила разорвать его Империю на куски. Унижая ее, он в своих фантазиях унижал северного царя.

— Войска прекрасны, не так ли, Ибрагим? — Ахмед III обвел рукой пыльную равнину, где, сверкая кривыми саблями, проносилась нерегулярная конница. Глаза султана маслянисто блестели. — Скоро мы заставим этих неверных свиней жрать землю.

Ибрагим-паша низко поклонился, пряча за этим движением судорогу, пробежавшую по лицу.

— Ваша армия подобна океану в бурю, о Повелитель правоверных, — бархатным голосом произнес визирь. — Она сметет всё на своем пути.

Сказав это, самый умный человек в Османской империи почувствовал, как по его спине, несмотря на палящий степной зной, поползла липкая, холодная капля пота.

— Великое воинство мы собрали, — Ахмед III плавно, с достоинством повел рукой, унизанной тяжелыми золотыми перстнями, указывая вниз.

Там, в раскаленном степном мареве, через узкую пойму у заросшего камышами мелкого озера медленно, подобно гигантской многоцветной змее, втягивалось в «горлышко» грандиозное турецкое войско. Сто тридцать тысяч человек. Лес копий, бунчуков и знамен с полумесяцами, глухой, вибрирующий гул тысяч копыт и ритмичный бой походных барабанов-кёсов. Пыль стояла такая густая, что солнце сквозь нее казалось мутным кровавым пятном.

— Да, мой Великий господин, поистине великое, — мягко, с легким поклоном подтвердил визирь Ибрагим-паша. И, не удержавшись, едва слышно добавил: — Насколько оно вообще может быть великим… против регулярных русских полков.

Султан резко повернул голову. Благодушная маска на его лице дрогнула, обнажив хищное раздражение.

— Ты стал невыносимо скучен, Ибрагим. Почему ты один льешь желчь? Послушай двор, послушай мулл! Все вокруг говорят о том, что это будет славная, победоносная война. Это возрождение великой державы, которая даже при моем блистательном предке, Сулеймане Великолепном, не была столь величественной и грозной, как сейчас! Почему ты один упрямо твердишь, что мы клонимся к закату, когда весь мир слепнет от восхождения нашего солнца?!

Визирь мысленно поморщился, хотя на его лице не дрогнул ни один мускул. В последнее время Ахмед III полюбил сравнивать себя с солнцем. Подражание французскому монарху, Людовику XIV, которого льстецы прозвали «Королем-Солнцем», перешло все границы.

«Лучше бы ты, о Великий, подражал французам в жесткой муштре их пехоты или в устройстве чиновничьего аппарата интендантств, — с тоской подумал Ибрагим-паша. — *Но нет, ты, как ребенок, перенимаешь у европейцев лишь то, что блестит. Лишь то, что кажется красивым. Опасно… Как же опасно путать дворцовый спектакль с войной».*

Разумеется, вслух он этого не произнес. Какой смысл? Он говорил об этом не раз, но лишь наедине, за закрытыми дверями. Здесь же, на продуваемом холме, в окружении молчаливых янычарских держиморд с обнаженными ятаганами, любые слова сомнения граничили с государственной изменой.

Поэтому Великий визирь лишь привычно, театрально улыбнулся. Это слегка придурковатое, восторженно-покорное выражение лица, отработанное годами царедворства, было его лучшей броней. Оно позволяло молчать, когда говорить правду означало потерять голову.

Напряженную паузу прервал сухой, пронзительный голос.

— Весьма занятно… — задумчиво протянул французский посланник, виконт д'Андрезель. Он стоял чуть поодаль, придерживая напудренный парик свободной рукой, а другой, затянутой в белоснежную перчатку, указывал на озерную гладь. — Согласитесь, господа, для простых рыбаков эта посудина слишком велика. К тому же, любые благоразумные крестьяне давно бы разбежались, чтобы не попасться под ноги авангарду превеликого воинства падишаха. А эти — стоят.

Все, стоявшие на холме, инстинктивно перевели взгляды вниз.

Действительно, непозволительно близко к берегу, из-за густых зарослей рогоза, медленно выдвинулась широкая, плоскодонная лодка. На ней был поднят грязно-серый парус. Эта деталь дико выбивалась из общей логики пейзажа и казалась откровенной нелепицей. Зачем парус на крошечном, глухом степном озере, которое наполовину заросло донными водорослями, где и на одноместной долбленке с трудом можно развернуться?

Ибрагим-паша не был военным, но у него был безошибочный, звериный инстинкт выживания, выкованный в серпентарии стамбульского двора. Мозг еще не успел сформулировать причину тревоги, а тело уже действовало.

Визирь бесшумно, скользящим шагом отступил назад, прячась за широкую, закованную в кольчугу спину одного из султанских телохранителей. Он бросил быстрый взгляд на Ахмеда. Великий господин еще не понимал, что происходит. На его лице застыло брезгливое недоумение. А вот француз, д'Андрезель, вдруг резко побледнел, осознав то же, что и визирь: лодка стояла бортом к холму, и парус на ней был нужен вовсе не для ветра. Он был маскировкой. Ширмой.

— Щиты! Закрыть султана!!!

Это был не привычный бархатный голос царедворца. Ибрагим-паша рявкнул резко, хрипло, со звериной яростью, не терпящей возражений.

От этой властной, почти оскорбительной в присутствии монарха резкости вздрогнул даже сам Ахмед III. Янычары, вымуштрованные реагировать на приказ, мгновенно сомкнули ряды, лязгнув железом и заслоняя падишаха своими телами.

И в эту же секунду тишину над озером разорвал неестественно громкий, тяжелый грохот.

Глава 3

Окрестности Хаджибея.

16 июня 1725 года.

— Бах! Бах! Бах!

Это был не треск обычных кремневых мушкетов. Звук был хлестким, низким, словно лопнула стальная струна толщиной с корабельный канат. Нелепая лодка внизу мгновенно окуталась густым, сизым облаком сгоревшего пороха.

Из-под фальшбортов, словно черти из табакерки, разом выскочили шестеро дюжих, широкоплечих гребцов. Никакой паники. Никакой суеты. Лихо, синхронно, как единый механизм, они ударили веслами по воде и начали стремительно отгребать назад, в камышовые заросли — туда, где их не достала бы ни одна пуля турецкого авангарда.

А на холме уже царил кровавый хаос.

Воздух разорвал истошный, захлебывающийся крик. Двое гигантов-янычар, стоявших впереди султана, рухнули как подкошенные. Одному тяжелая свинцовая пуля пробила медный щит и разворотила грудь, второго отбросило назад с простреленным горлом. Кровь брызнула на расшитые золотом полы султанского халата.

Ибрагим-паша, вжавшись в чужую спину, с расширенными от ужаса глазами смотрел на убитых. Дистанция от озера до вершины холма была огромной. Ни один мушкет, ни один янычарский штуцер в мире не мог бить так далеко и с такой чудовищной, дьявольской точностью. Ни один, кроме тех, что сейчас, очевидно, находились в руках русских диверсантов.

Солнце Империи еще даже не взошло над полем боя, а его лучи уже начали стремительно гаснуть в крови.

***

Поручик Преображенского полка Василий Иванович Куравлев лежал на небольшом плоту, в густой, пахнущей тиной и гниющими водорослями камышовой крепи, стараясь даже дышать через раз.

По всему выходило, что зеленый мундир преображенца, на которую была накинута маскировочная накидка, он носит последние дни. Если выживет сегодня, путь ему лежал прямиком в Полк Почетного караула — новую, абсолютную элиту гвардии, личный резерв Императора для задач немыслимой дерзости.

Солнце нещадно палило спину, пот заливал глаза, разъедая кожу, но Куравлев не смел даже смахнуть его. Он ждал. Ожидал в этой чертовой лодке, замаскированной под крестьянскую плоскодонку, когда на вершину лысого холма, возвышавшегося над степью в четырех сотнях шагов, взойдет султан.

Приказ, полученный перед рейдом, был жесток в своей математической расчетливости. Султана требовалось как минимум тяжело ранить, посеяв панику на самом верху. Но истинной, главной целью был Великий визирь. Именно в Ибрагим-паше, в его изощренном, по-европейски холодном уме русский штаб усматривал главную угрозу.

Но сверхзадача операции крылась в другом. Куравлев должен был доказать всей этой стотысячной османской армаде один простой факт: отныне для них стреляет каждый куст. Каждая ложбина таит смерть.

«Пусть замедляют марш. Пусть не досыпают, выставляя тройные караулы. Пусть истощают себя, возводя шанцы на каждом привале. Мы должны вырвать у турка три недели, измотать его до полусмерти», — так звучал приказ, отданный в унисон командующим Южной армией фельдмаршалом Петром Ласси и комиссаром армии Стрельцовым.

Все, больше нет возможности выжидать. Нужно делать дело и уходить. Убить, да хоть бы того офицера, который смотрит, как идут турецкие полки с холма. С того самого места, рядом с которым должен быть сам визирь, и даже султан.

Поручик подобрался, привстал, оттолкнулся шестом от илистого мягкого дна полуозера-полуболота, приблизился к лодке.

— Готовсь… — одними губами выдохнул Куравлев.

Из-под фальшбортов лодки, не издав ни единого лязга, плавно поднялись пять граненых вороненых стволов. Три штуцера на каждого стрелка лежали рядом, заранее заряженные.

Медленно лодка вышла из зарослей. Иначе просто не видна цель. Но был расчет на то, что никто не увидит в появлении лодки опасности. Мало ли... кто может появиться почти что в центре всего воинства турецкого? Так не воюют, по крайней мере, в регулярных войсках.

Это были лучшие люди полка. Самородки с абсолютным глазомером. Те, кто не крестился в ужасе и не кричал, что это дьявольщина — бить прицельно на четыреста шагов, когда в Европе и со ста в сарай не попадают.

— Пали! — гортанно бросил поручик.

Пять нарезных винтовок рявкнули почти слитно, единым пушечным раскатом. Оружие выплюнуло в раскаленный степной воздух тяжелые, невиданные конусные пули, на донцах которых был отлит вензель Петра Алексеевича. Отдача едва не опрокинула стрелков на дно лодки.

Сам Куравлев не стрелял. Он прильнул к медной подзорной трубе, выполняя роль корректировщика. Его задачей было хладнокровно оценить результат этого безумия.

Сквозь плывущий пороховой дым линза трубы выхватила вершину холма. И в эту долю секунды, когда пули еще летели к цели, глаза Василия Ивановича словно встретились с глазами человека, стоявшего чуть позади султана.

Раньше Куравлев не мог взять в толк, кто этот невзрачный старик, так внимательно наблюдавший за переправой войск. Человек был одет слишком неброско для османского вельможи. И лишь сейчас, когда солнце блеснуло под странным углом, поручик увидел, как распахнулась пола его скромного халата. Под ней сверкнули золотая подкладка и пуговицы из чистейших бриллиантов, хитроумно закрытые медными чеканными крышечками. Идеальная маскировка для того, кто владеет полумиром, но не желает привлекать внимания снайперов.

«Визирь…» — молнией пронзила мысль.

Знай Куравлев это минуту назад, он приказал бы сосредоточить огонь на этом скромном старике, и Османская империя в ту же секунду лишилась бы своего мозга. Но было поздно.

Труба показала, как на холме брызнула кровь. Два огромных телохранителя рухнули под ноги султану, сломанные страшным кинетическим ударом конусных пуль. Третья пуля сбила напудренный парик и, кажется, снесла половину плеча франтоватому европейцу в камзоле — послу д'Андрезелю.

Султан и визирь остались на ногах.

— Твою же в бога душу мать! — свирепо, скороговоркой выругался поручик. Результат был, паника на холме поднялась страшная, но главная цель уцелела.

Впрочем, рефлексировать было некогда. Секундомер жизни пошел на убыль.

— Отход! Рвем жилы, братцы!

Тренированный до мышечного автоматизма рывок. Шестеро гребцов, отбросив дымящиеся штуцеры, навалились на весла. Вода вскипела. Лодка рванула с места так резко, что нос задрался над камышами. Малейшая заминка, испуг, дрожь в руках — и их бы растерзали.

На берегу царило полное оцепенение. Турецкие офицеры и солдаты авангарда просто не понимали, *что* произошло. Их мозг отказывался верить глазам. Разве могут какие-то безумные урусы подобраться вплотную к стотысячной армии? Откуда стреляли? С лодки?! Но пули ударили в холм, до которого четыре сотни шагов! Для гладкоствольного мушкета это физиче-

ски невозможно. Турецкая машина на несколько драгоценных минут впала в ступор, парализованная мистическим ужасом перед оружием, разящим на такой дистанции.

А отряд Куравлева — дюжина отчаянных смельчаков — уже врезался носом лодки в противоположный, топкий берег.

Они выскочили в воду по пояс. Лодку, чудо инженерной мысли с ее скрытыми отсеками, пришлось бросить — о чем поручик искренне, до боли в сердце пожалел, вещь была баснословно дорогой. Но жизнь стоила дороже.

Впереди лежал адский забег длиною в версту через вязкую топь и колючий кустарник. Там, в глубокой балке, их ждали заранее оставленные заводные кони. Место для диверсии было выбрано гениально: чтобы турецкая кавалерия смогла начать преследование, ей пришлось бы делать огромный крюк, огибая непролазное озеро.

Тяжело дыша, проваливаясь в грязь, русские диверсанты растворялись в пейзаже. Пружина южной войны, раскрученная Петром, сделала свой первый, смертоносный оборот. Отряд поручика Куравлева уходил в бескрайнюю дикую степь.

***

Петергоф.

18 июля 1726 года

Свежий ветер с Финского залива трепал тяжелые бархатные портьеры дворца Монплезир. Жена императора, пусть и не императрица, Мария Дмитриевна — в девичестве княжна Кантемир — стояла у распахнутого окна, сжимая в тонких пальцах свежую депешу с юга. Как же она ждала каждый день хоть какие новостей из Киева, Азова, Перекопа... Но так мало вестей, или они такие сухие, что этого явно же недостаточно скучающей по своему муже, женщине.

Петр Алексеевич воевал. Ну или решил находится ближе к тому, как он забавно называл “театру военных действий”. Там, в раскаленных степях Причерноморья, сминая османские гарнизоны, ее венценосный супруг ковал новую геополитическую реальность. А здесь, на севере, среди прохладных болот, прорезанных прямыми линиями каналов, Мария ковала вечность.

Она не была похожа на прежних цариц, сидевших в теремах. Образованная, свободно изъясняющаяся на итальянском, греческом и французском, знающая толк в античной философии и современной поэзии, Мария Дмитриевна понимала... нет она помнила четко слова своего мужа:

— Великая Империя нуждается не только в пушках и победах. Ей нужен блеск, способный ослепить Европу. Но блеск такой, чтобы денег доставало на него. Первое – плата армии и хлеб, а вот зрелища, потом.

При этом государь выделил сразу два миллиона рублей на строительство. И этих денег должно было хватить и на тот сюрприз, который Мария готовила своему любимому мужчине, волей случая еще являющимся императором России.

Сегодня в ее кабинете в Петергофе были собраны те, кому предстояло превратить этот блеск в камень, воду и зелень. Она собрала людей и тех, кто уже был в России. И поездка в Европу просвещенной, красивой и умеющей себя поставить, Кантемир, не прошла зря.

Мастера были собраны, пожелания и даже чертежи мужа преступно выкрадены... Хотя можно ли было это считать кражей, если они и находились у нее, так сказать “на согласовании у министра Просвещения”, которым и являлась по сей день Мария.

Двери распахнулись, и камер-юнкер доложил о прибытии приглашенных. В кабинет вошли люди, чьи имена уже гремели по всей Европе, и те, кому только предстояло войти в историю. Она чувствовала в этих людях такую энергию культуры, что упивалась самим фактом – она смогла собрать команду исполнителей и творцов, которой не может быть даже при строительстве Версаля.

Первым, тяжело опираясь на трость, вошел Доменико Трезини — постаревший, но все еще цепкий главный зодчий Петербурга. За ним почтительно следовал Михаил Земцов, первый гениальный русский архитектор новой волны, чьи смелые проекты уже начали затмевать работы учителей.

Но главными гостями были иностранцы, которых Мария Дмитриевна выписала за баснословные деньги, воспользовавшись своими европейскими связями.

Бальтазар Нейман — восходящая звезда германского барокко, вырванный ею из Вюрцбурга. И Чарльз Бриджмен — неразговорчивый англичанин, чье имя передавали из уст в уста при дворах Лондона как творца новой, неслыханной садовой моды. Были и другие творцы. И у каждого будет свой фронт работы, чтобы было быстрее, множество независимых строек.

— Господа, — Мария Дмитриевна грациозно опустилась в кресло, указав приглашенным на расставленные стулья. — Я не стану отнимать у вас много времени. Мой супруг, Император, сейчас занят тем, что расширяет границы России на юг. Наш долг — сделать так, чтобы по возвращении он увидел Петергоф, достойную его побед. Ну и достойную тех денег, что вы получите за работу.

Она развернула на столе огромный, пахнущий свежей тушью план Петергофа.

— Господин Трезини, господин Земцов. Петергоф прекрасен. Мой супруг заложил здесь основу, равную Версалю. Но Версаль — это прошлое, а мы строим будущее. Верхние палаты кажутся мне слишком скромными. Это жилище состоятельного голландского шкипера, но не Императора Всероссийского!

Земцов почтительно склонил голову:

— Ваше Величество, мы с господином Трезини уже набросали эскизы надстройки галерей…

— Этого мало, Михаил Григорьевич, — мягко, но непреклонно перебила его Императрица. Она перевела взгляд на немца. — Герр Нейман. Я видела ваши чертежи Вюрцбургской резиденции. Мне нужен этот размах. Мне нужна парадная лестница, которая заставит послов задыхаться от восторга еще до того, как они войдут в тронный зал. Я хочу, чтобы фасад Большого дворца в Петергофе был расширен, чтобы он обнял собой весь каскад. Земцов будет работать с вами в паре — он понимает русский дух и здешний климат, а вы дадите масштаб.

Нейман, чьи глаза загорелись от предвкушения неограниченного бюджета, низко поклонился:

— Ваше Императорское Величество, я создам для вас симфонию в камне. Лестница будет казаться парящей в облаках.

— Прекрасно. А водоводы пусть перепроверит Харман ван Болес. Я хочу больше золота в каскадах и новые фонтаны-шутихи в Нижнем парке. Государь их обожает. Но это — лишь половина дела. Нужно найти дополнительные источники воды в Ораниенбауме. И создать больше озер для фонтаном. Эта задача лежит на вас, господин ван Болес.

— Я уже ознакомился с чертежами. Мне есть что предложить, ваше императорское высочество, – сказал архитектор-инженер.

— Вот так, господа, и нужно работать, на опережение, – похвалила мастера Кантемир.

Потом Мария Дмитриевна отодвинула план Петергофа и положила на стол другой, совсем скромный чертеж. На нем была изображена Сарская мыза — небольшая загородная усадьба, подаренная ей мужем, которую теперь всё чаще называли Царским Селом.

Сразу и все... задача по строительству была такой неподъемной, что Мария бросала, казалось, вызов всем: и себе в первую очередь. Разве же она хуже, чем эта портомоя Катька, Марта Скавронская? А ведь именно Катька дарила целые архитектурные ансамбли Петру и ему это очень нравилось.

“Я – потомок византийских императоров, должна справиться куда как лучше! Обязана!” – часто говорила она мысленно сама с собой.

— А вот здесь, господа, мы забудем про строгость, — в голосе Императрицы зазвучала мечтательность. — Царское Село станет моей личной резиденцией. Там не будет моря, как здесь. И поэтому мы должны создать там иной мир. И отходим от французских парков, ну лишь только у самих окон дворца. Все остальное – это ландшафтные парки, как в Англии.

Англичанин Чарльз Бриджмен усмехнулся. Ему было приятно, что есть в Европе еще те понятливые люди, которые видят красоту и практичность в ландшафтных парках, а не ругают их, мол, это безвкусица и вовсе лес, а не парк.

Усмешка архитектора не прошла незамеченной. Мария Дмитриевна повернулась к англичанину, который до этого момента молча рассматривал гобелены.

— Мистер Бриджмен. Во всей Европе сейчас копируют покойного Ленотра: стригут деревья под линейку, чертят прямые углы, загоняют природу в корсет. Меня это утомляет. Я читала о ваших работах в Стоу. Вы делаете нечто иное. Но у меня будет изменение и к вашему стилю. России все же нужен некоторый размах. Обсудим позже подробности.

Бриджмен слегка откашлялся. Его русский был плох, но искусство перевода при дворе работало безупречно. Молодой парень, из адъюнктов Академии Наук знал английский, как родной.

— Ваше Величество, мы в Англии считаем, что природа сама по себе совершенна. Ее не нужно пытать ножницами. Ее нужно лишь направлять. Я убираю видимые заборы, создаю рвы «ах-ах», чтобы взгляд скользил до горизонта. Я пускаю дорожки так, как течет вода.

— Именно! — Мария Дмитриевна хлопнула в ладоши. — В Царском Селе я хочу видеть именно это. Пейзажный парк. Пусть там будут луга, извилистые пруды, острова с античными руинами — Земцов, запишите, руины мы построим специально. Деревья должны дышать. Когда я буду гулять там, я хочу чувствовать себя не на параде, а в Аркадии.

Бриджмен с достоинством кивнул:

— Это потребует колоссальных земляных работ, Ваше Величество. Придется менять русла ручьев и насыпать холмы.

— В вашем распоряжении будут два инженерных полка, — не моргнув глазом ответила Императрица. — А дворец в Царском Селе… Он должен быть легким. Воздушным. Я хочу много света, огромные окна и лазурные фасады. Земцов, это поручаю вам. Сделайте так, чтобы камень казался кружевом.

Старый Трезини, слушавший всё это, тихо вздохнул. Он понимал: его строгая, прагматичная петровская эпоха уходит. Наступает время роскоши, изящества и грандиозного размаха, который диктует эта удивительная женщина с кровью византийских императоров.

— Сроки, Ваше Величество? — деловито спросил Земцов, доставая угольный карандаш.

— Государь вернется с победой с турецкого фронта не позднее чем через два года, — голос Марии зазвенел сталью, не терпящей возражений. — К этому моменту фасады Петергофа должны стоять в лесах на завершающей стадии, а в Царском Селе должны быть вырыты озера и посажены липовые аллеи. Деньги на это есть. Золото из османской казны, которое сейчас добывают наши полки, должно превратиться в красоту, которая переживет нас всех.

Она поднялась, давая понять, что аудиенция окончена. Зодчие один за другим покидали кабинет, переговариваясь вполголоса, уже охваченные лихорадкой созидания.

Мария Дмитриевна Кантемир снова подошла к окну. Залив серебрился под холодным солнцем. Где-то там, далеко на юге, Петр рубил окно в Южную Европу через проливы Босфор и Дарданеллы. А она здесь, на севере, превращала его империю в блистательный алмаз, граней которого еще не видела ни одна держава мира.

— И вся моя любовь должна будет воплотиться в камне. Постарайтесь, господа! – сказала Мария.

От автора:

Четыре разных взгляда на Великую Отечественную. Четыре истории о людях, которые оказались в 1941-м и не стали смотреть на катастрофу со стороны. Они вмешиваются, рискуют, ломают чужие планы и вытаскивают своих https://author.today/post/882780

Глава 4

Киев
21 июня 1726 года

Надир-кули-бек смотрел на меня с вызовом. Молодой, худой как степной волк, явно амбициозный и отчаянно желающий во что бы то ни стало выполнить свою миссию, он всем своим видом показывал, что непримирим и не станет вдруг, по мановению руки, клясться мне в верности.

Однако, мой Гнев молчал. Я лишь улыбался этой наглости перса. Он не знает, кем может стать. Я-то уже догадался. Странный выбор для переговоров со мной.

Посредством долгих расспросов моих лазутчиков в Дербенте и сопоставления предоставленных фактов и информации я всё же выяснил, кто именно передо мной стоит. Имя этого человека сейчас звучало не так громко, как зазвучало бы через десяток или несколько лет. Никто иной, как сам потенциальный великий Надир-шах — человек, которого в той, неслучившейся истории будут называть «Наполеоном Востока», — находился сейчас в моей власти.

И то, что его, молодого, норовистого, который даже своему шаху спину не гнет, прислали ко мне, то рассорить хотят. Что, Тахмасп (как зовут нынешнего правителя Персии) посчитал, что раз война Османской империей и Россией уже началась, то у него открывается окно возможностей? Нет... он ошибся, причем сильно.

Надир смотрел на меня и не понимал. По всему же видно, что я должен вспылить. Но только улыбка...

На самом деле, я окончательно так и не понял, как же к нему относиться. С одной стороны, этот юноша с горящими, фанатичными глазами и, судя по всему, с выраженным талантом полководца мне импонировал. Но с другой — а насколько мне нужна сильная Персия? Или, как они сами себя называют, Великий Иран, от величия которого на данный момент, казалось, не осталось и следа?

Афганцы взяли их Исфахан, турки кромсают на части их земли на западе, а законный шах Тахмасп II бегает по горам Мазендерана и прячется, словно покоцаный шакал.

Я решить не принимать мусульманина в Лавре. И дело даже не в том, что такой поступок посчитался своего рода кощунством и лишним поводом для ссоры с киевским духовенством. Дело в том, что и Киев уже стал несколько иным. Я нашел изъятое у одного сбежавшего польского магната роскошное каменное здание на Подоле, где получилось временно расположиться. Именно здесь я и повелел заложить мой новый дворец по собственным чертежам. Если я решил выбрать этот город Южной столицей своей Империи, а именно плацдармом для броска на Балканы и Босфор, то значит, так тому и быть. Здесь должна находиться соответствующая замыслу резиденция.

— Мой повелитель, законный шах Тахмасп прислал меня к тебе для того, чтобы мы договорились о том, как вместе бить турок, но время не терпит, решать нужно быстро. И твоего слово жду, — спокойно, но с жестким металлом в голосе, казалось бы, не свойственным для его возраста, проговорил Надир-кули. На его поясе изредка мерцала рукоять богато украшенного шамшира.

Я сидел в кресле, расположенном так, что казалось, что оно само по себе высокое, но визуальный секрет был в том, что оно было поставлено на небольшой деревянный постамент, укрытый персидскими же коврами, чтобы значительно выделяться и быть выше своего гостя. Хотя и без этих "премудростей" я превосходил его ростом, что давало дополнительный эффект высоты. Разве что в плечах он был шире, но такова уж конституция моего тела.

— Договориться, срочно? — я позволил себе холодную, даже снисходительную усмешку и чуть подался вперед. — Договариваются, Надир-кули, равные с равными. А что есть на сегодняшний день твой повелитель? И что за тон? Ты же умный, кто есть Тахмасп и я должен понимать. И что Хива нависает над вами, как и вся Средняя Азия по шелковому пути моя. Великий Иран обречен.

Скулы перса заметно дернулись. Он попытался что-то сказать, но я властно поднял верх руку, останавливая его.

— Повелитель Севера, Белый Царь, все верно ты говоришь. И вижу я, да и знаю... все озеро Каспия твои, победы твои... турки недодавили нас только потому, что начали готовится к войне с вами. Но мой шах...

— Твой шах потерял столицу. Афганцы племени гильзаев режут ваших людей в Исфахане. Высокая Порта уже захватила Хамадан, Эривань и Тебриз. Турки вот-вот перейдут Аракс. У твоего повелителя не имеется ни казны, ни нормальной артиллерии, ни единой армии. Одна вторая племен кизилбашей презирает его. А я, — я указал пальцем в грудь, — держу флот на Каспии, мои гарнизоны стоят в Баку и Дербенте. У меня есть двести тысяч регулярного войска, вооруженного кремневыми фузеями с багинетами, а не фитильными аркебузами эпохи царя Гороха. Зачем мне договариваться с живым трупом?

— Потому, что если османы поглотят Иран, они станут вдвое сильнее, Ак-Падишах, — не отводя взгляда, парировал Надир. — Османские паши соберут с наших земель налоги, возьмут наших коней и ударят по твоим границам. Тебе нужен щит на юге. Мой шах предлагает тебе этот щит.

«А он умен», — подумал я. Не просто степной рубака. Он видит геополитическую доску.

Но мое преимущество в послезнании и в том, что что я уже создал сеть осведомителей, систему добычи информации, позволяет быть уверенным в принятии решений. Нынешний шах проиграл уже свою войну. У персов и нет армии, по сути.

А оставлять все, как есть и чтобы мой нынешний собеседник смог перевернуть все с ног на голову и возвеличил, пусть и на время, Персию, нельзя. И Надир либо мне служить будет, либо умрет. Такого соперника мне не нужно. Мне персидские земли нужны, налаженный через Иран путь в Индию.

— Щит, который крошится от первого удара, мне не нужен, — я медленно встал с кресла и спустился с постамента. Мои тяжелые шаги гулко раздались в тишине залы. Я подошел к большому дубовому столу, где была расстелена подробная карта Кавказа и Персии, составленная моими инженерами. — Подойди сюда.

Надир, чуть поколебавшись, подошел к столу.

— Смотри, — я ткнул пальцем в карту. — Вот граница, о которой мы договаривались с султаном в Константинополе два года назад. По ней Порта забирает весь западный Иран, а я — все побережье Каспия: Гилян, Мазендеран, Астрабад. Я могу просто забрать свое и позволить туркам добить твоего шаха. Для России это выгодно. Торговые пути на Индию будут моими.

Я увидел, как побелели костяшки его пальцев, опирающихся на край стола.

— Но, — я сделал паузу, чеканя каждое слово, — я не стану этого делать. Потому что я не верю туркам, а война с Османами — дело уже решенное. Мои войска через месяц начнут движение к Пруту и в Крым. И здесь, Надир, возникает главный вопрос. Мне нужен полководец на Востоке. Не капризный мальчишка голубых кровей, трусливо прячущийся в горах, а свирепый волк. Полководец, который объединит персов, туркменов, афшаров, а я дам ему в поддержку своих казаков и калмыцкую конницу.

Надир нахмурился, не до конца понимая, к чему я веду.

— Ты из племени афшаров, Надир-кули, — вдруг понизив голос, произнес я. — Ты не королевских кровей. Я знаю твою историю. Ты пас овец, шил тулупы, потом собрал отряд, промышлял разбоем в Хорасане. Ты поднялся со дна благодаря своему клинку и уму. Твои

люди идут за тобой не потому, что ты сын шаха, а потому что ты приносишь им победу и добычу.

Перс напрягся, как натянутая тетива. То, что русский царь знал такие подробности его прошлой, не самой благородной жизни, выбило его из колеи.

— Тахмасп использует тебя, чтобы вернуть трон, — продолжил я, сверля его взглядом. — А когда ты разобьешь турок и афганцев, он прикажет отрубить тебе голову. Потому что такие герои, как ты, слишком опасны для слабых монархов. Я знаю это, Надир. И ты это знаешь.

— Чего ты хочешь, государь? — хрипло спросил он, отбросив дипломатические кружева.

— Я хочу, чтобы Персия приняла протекторат Российской Империи, — я произнес это абсолютно будничным тоном, словно предлагал выпить вина. — Вы признаете вассалитет. Внешняя политика Тебриза и Исфахана будет согласовываться со мной. Я назначаю тебя, Надир, верховным главнокомандующим всеми силами Ирана и всего степного воинства. Ты станешь сардаром.

— Иран никогда не преклонял колени перед севером! — вспыхнул он, его рука рефлекторно дернулась к сабле. Гвардейцы у дверей тут же скрестили алебарды, но я жестом приказал им стоять смирно.

— Иран сейчас стоит на коленях перед всеми подряд! — рявкнул я, нависнув над ним. — Вы в грязи, Надир! Вы потеряли страну! Твой выбор прост: либо ты возвращаешься к своему слабовольному шаху, и через год турки сажают вас обоих на кол, либо ты принимаешь мою руку.

Я немного остыл, сменив гнев на ледяной прагматизм.

— Слушай меня внимательно. В обмен на признание вассалитета, я даю тебе деньги, немного, но и войска, чтобы ты сразу стал сильным. Много золота получишь. Я даю тебе двадцать тысяч новейших кремневых ружей с Тульских заводов — твои пехотинцы-тофенгчи больше не будут возиться с тлеющими фитилями под дождем. Я передаю тебе сто полевых легких пушек — трехфунтовок, которые можно тащить по горным перевалам. Мои артиллеристы обучат твоих людей стрелять картечью так, что янычары будут бежать от вас, как овцы. Более того, я передаю под твое начало тридцать тысяч яицких и донских казаков и тьму калмыков. Ты соберешь такую армию, которой Восток не видел со времен Тамерлана.

Надир тяжело дышал. Я видел, как в его темных глазах разгорается пламя. Страсть великого завоевателя, которому только что предложили ключи от мирового господства, боролась в нем с уязвленной национальной гордостью.

— Шах Тахмасп никогда не согласится на вассалитет, — медленно, прощупывая почву, произнес он.

— А Тахмаспа мы об этом спрашивать не будем, — я усмехнулся одними губами. — Ты заставишь его подписать договор. Если он заартачится... что ж, шахи тоже смертны. И кто знает, возможно, Ирану нужен новый шах? Тот, кто прольет кровь за свою землю, а не тот, кто унаследовал ее по праву рождения.

Я сделал шаг назад, давая ему пространство.

— Ты станешь моим мечом на Востоке, Надир. Мы зажжем турецкие тылы от Карса до Багдада. Ты вышвырнешь османов за Евфрат, пока мои армии будут ломать им хребет на Дунае. Персия сохранит свои законы, свою веру и свои внутренние устои. От вас мне нужен лишь союзный долг, торговые привилегии и открытые дороги в Индию.

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Слышно было лишь, как за окном стучат топоры — строился новый имперский Киев. Надир-кули смотрел на карту, затем на меня. В его уме сейчас сталкивались империи, рушились старые династии и рождались новые. Он видел пушки, которые я ему обещал, и казачью лаву, которая сметет османские порядки.

Он вдруг отступил на шаг. Положил правую руку на сердце и склонил голову в глубоком, медленном поклоне. Это не был поклон раба. Это был поклон младшего партнера, воина, признавшего превосходство старшего в силе и разуме.

— Твои слова тяжелы, как свинец, Ак-Падишах. Но в них есть правда. Если ты дашь мне пушки и казаков, я залью землю османской кровью. Договор будет подписан. Тахмасп приложит к нему свою печать. А если его рука дрогнет... — Надир поднял голову, и в его глазах я увидел того самого хищника, который через десятилетие потрясет Азию. — ...я буду держать эту руку сам.

— Вот и славно, сардар, — я улыбнулся и протянул ему руку. — Готовь людей. Великая война начинается. Мы обсудим подробности позже.

***

Невьянский завод.

Июнь 1726 год.

Невьянск не спал никогда. Он и раньше был, словно вечно работающий механизм, а теперь так и подавно, когда постоянно требуют... требуют... новаторства с царевых мастерских привозят, станки и... снова требуют. Так что этот механизм из человеческих организмов, станков, печей и металла, льющегося из них только увеличивался. Заводы в Невьянске увеличивались и сами по себе и в числе.

Город ночью выглядел как преддверие преисподней, вырвавшееся на поверхность Уральских гор. Днем, как тлеющий муравейник: дым коромыслом, жарко, но не пожар, и люди, как те муравьи, шастают по заранее выученным маршрутам.

Все работают... Причем на двух заводах стали внедрять новые правила работы со строгими трудовым временем, отдыхом, контролем. Появились инспекторы труда, которые следят за рациональным расходом времени и человеко-часов. Много чего изменяется. Вот, приезжал даже и Ганнибал, инспектировал заводы, сравнивал производительность. Чего-то там себе понаписывал, и уехал. Все куда-то спешат, словно бы вот-вот конец света.

Вот и глава клана Демидовых не всегда находил время, что спокойно постоять, посмотреть... да хоть бы куда-нибудь, но в безмятежном состоянии.

Акинфий Никитич Демидов стоял на верхнем ярусе своей знаменитой наклонной башни и тяжело смотрел вниз. Отсюда, с высоты, его железная империя представала во всем своем пугающем величии. В черном небе распускались огненные цветы — это «дышали» три огромные домны, выбрасывая снопы искр. Земля под ногами чуть заметно дрожала. Этот ритм, похожий на биение гигантского стального сердца, задавали новые вододействующие прокатные станы.

Акинфий усмехнулся в бороду. Это в Петербурге лучше бритым ходить. Тут-то, у себя в вотчине, зачем? Трать еще время на всяких брадобреев.

Время – ресурс такой, что его вечно не хватает. В эпоху-то производственных преобразований и новшеств. А то, что он сделал за последние три года, не снилось ни англичанам, ни шведам.

Там, у плотины, где раньше пупок рвали бурлаки да скрипели допотопные водяные колеса, теперь высилось кирпичное здание, из трубы которого валил густой белый пар. «Огненная машина», как называли ее мастеровые.

Чертежи английского механика Ньюкомена, выкраденные государевыми шпионами в Лондоне, попали к Акинфию по личному приказу Петра. Говаривали, что сам император сии чертежи изготовил, но явно же наговаривают. Ну не может Петр Алексеевич во всем быть молодцом. Или может?

Царь велел в своем письме: «Сделай, чтоб работало».

И Демидов сделал. Его крепостные левши, матерясь и обвариваясь кипятком, отлили исполинский чугунный цилиндр. Теперь паровая машина, этот плюющийся кипятком желез-

ный дьявол, качала воду из самых глубоких шахт. Это позволило рудознатцам Акинфия уйти на такие горизонты, где медь и железо шли сплошным, чистым пластом. Тут же выработка увеличилась чуть ли не вдвое, пришлось еще две печи закладывать.

А чуть правее, в длинных цехах, визжали новые горизонтально-сверлильные станки. Раньше пушки отливали пустотелыми, на стержне, отчего те часто рвались при стрельбе. Теперь же Демидов лил сплошные чугунные болванки, а водяной привод медленно, с чудовищным скрежетом, вгонял стальное сверло прямо в сердцевину металла. Пушки выходили гладкие внутри, как зеркало. Такие били точнее и не разрывались.

— И кабы никаких украшательств. Пушку облегчать нужно, а все эти красоты не для войны, – помнил заветы Петра Демидов, им и следовал.

Акинфий Никитич был королем этого железного мира. Но королем с петлей на шее. И после того, как он уже второй раз за последний год побывал в Петербурге, казалось, что узел на петле стал еще более прочнее.

Тяжелые шаги по чугунным ступеням башни вырвали его из раздумий. Акинфий не обернулся. Он знал, кто к нему поднимается. Запах дорогого голландского табака и пудры смешался с привычной гарью Невьянска.

“И на кой ляд тебе здесь эти пудры?” – думал Демидов.

— Не спится, Акинфий Никитич? — раздался за спиной сухой, скрипучий голос Василия Татищева.

Капитан артиллерии, доверенное лицо царя, начальник Уральских горных заводов. Человек, которого Демидов ненавидел всей душой, до кровавой пелены перед глазами.

Специально ли император стравливает этих двух людей, или по недопониманию местных, уральских, реалий. Но факт – они враги. Но такие, “холодные”, чуть больше, чем конкуренты. Может даже и стали друг другу откровенные пакости чинить, но страх перед императором и то, как Петр Алексеевич следит за промышленностью, требует работать в команде.

— Мой завод, Василий Никитич, не спит. И мне не велит, — глухо ответил Демидов, поворачиваясь. – Ты-то чего? Вновь отправишься на серебряные рудники считать?

— Да уже посчитал...

— Нашел недоимки? – усмехнулся Демидов.

Василий Татищев промолчал. Нет, не нашел он недостач. Мало того, а ведь по бумагам выходит даже на почти два пуда серебра меньше, чем на складе. И нет, не Демидовском сладе, а Промышленной комиссии, той организации, которая занимается приемкой. Выходит, что воруют, но не у Демидова, а в конторе, которая, так уж выходит, подчиняется на месте Татищеву.

И Демидов об этом знал. Он же специально проделал целую операцию под стать тому, как могла бы сработать Тайная канцелярия. Подставил... А чтобы меньше свой нос совали. Но, ничего, скоро ответная инспекция от Демидова будет. Он с проверкой на завод Татищева заявится. Ох уж там напроверяет...

Татищев стоял в щегольском зеленом мундире, застегнутом на все пуговицы, несмотря на духоту. Его лицо, узкое, породистое, выражало лишь холодный государственный расчет. Он был не похож на взяточников-воевод. Татищева нельзя было купить ни золотом, ни борзыми щенками. Он служил Системе. Он служил Петру. И в этом имел свою выгоду.

— Завод работает исправно, это я видел, — Татищев подошел к парапету, брезгливо смахнув сажу в перчатки. — Новые сверлильные станы — чудо как хороши. Государь будет доволен. Война с турком уже на пороге, али уже началась. В этом захолустье и новости не прознать. Но ясно, как день Божий, что артиллерия нужна и много. Но я приехал не хвалить тебя за чугун, Акинфий.

Демидов нахмурился. Его медвежья фигура нависла над сухощавым чиновником, но Татищев даже не моргнул.

— Я приехал за серебром, — тихо, но так, что слова прозвучали громче грохота молотов, сказал капитан.

Акинфий стиснул зубы так, что желваки вздулись под бородой. Серебро. Алтай. Колывано-Воскресенские рудники. Его тайная гордость и его проклятие. То, о чем как-то узнал император. И то, за что

— Я отдал в казну свою долю, — прорычал Демидов. — Тридцать пудов чистого серебра ушло в Петербург с последним обозом. Все по закону.

— Закон здесь — это слово императора, — отрезал Татищев.

— Ты, Василий Никитич, не позабыл, что это твой человек вороватым оказался? – усмехнулся Демидов.

Татищев так скрежетал зубами в своей злобе. Триумфальной проверки Демидова не случилось. Сам попался. Но сдаваться он не хотел, не того склада характера.

— А император знает, что руды на Алтае богаче, чем ты показываешь в ведомостях. У меня есть донесения от маркшейдеров. Твои люди скрывают истинную добычу. Ты плавишь серебро в тайных печах, Акинфий. Ты чеканишь свою монету?

— Брехня! — Демидов шагнул вперед, его огромный кулак сжался. – О том государю отписался. Пришлют когда иноземцев для выработки шахт, сразу начнем добывать. И не тебе о том судить. Сунул нос в то, что еще не енто... не это...

— Не инвентаризировано? – усмехнулся Татищев, подсказывая новое мудреное слово.

Демидов терял терпение. И такие вот усмешки он тут, в своем городе, никому не прощал. Одно движение, и этот напудренный столичный пес полетит вниз, на острые камни двора. И никто ничего не докажет. Сорвался в темноте. Бывает.

Татищев словно прочитал его мысли. Он усмехнулся, глядя прямо в налитые кровью глаза заводчика.

— Можешь меня убить. Но завтра сюда придут драгуны. Петр Алексеевич жив, здоров и весьма гневлив. Он готовится ударить по османам, а на Юге каждая пуля и каждый сухарь стоят серебра. Твоего серебра, Демидов. Государство дало тебе эти горы. Государство дало тебе крепостных. А сколько у тебя за последние только полгода прибыло иноземцев? Семь тысяч! А сколько шведов еще ожидается после победы над ними? Не мнее пятнадцати тысяч! И государство возьмет свое.

Акинфий тяжело задышал.

— Государство дало? — прошипел он, брызгая слюной. — Да мы с батюшкой покойным эти горы голыми руками рыли! Когда вы в столицах ассамблеи плясали, мы тут с башкирами насмерть резались! Я эти заводы из собственной крови и пота поднял! Я паровую машину построил, я пушки лью такие, что Европа завидует! И я же должен отдавать всё до копейки на ваши войны?!

— Гордыня тебя обуяла, Акинфий Никитич. И не на наши войны. На государевы, — ледяным тоном поправил Татищев. — Ты путаешь свой карман с государственным. Твои машины — прекрасны. Твой ум — бесценен. Но ты — тягловый конь Империи, Акинфий Никитич. И не тебе решать, сколько возов тянуть.

Демидов отвернулся к парапету. Внизу, в адском пламени домен, плавилась руда. Он чувствовал себя точно так же. Расплавленным, зажатым в тиски, из которого выдавливают всё без остатка.

Альтернативы не было. Пока жив тот гигант с дергающейся щекой, что сидит в Петербурге (а теперь всё чаще в Киеве), никто на Руси не смеет сказать «мое». Есть только «государево».

Да и не против был такого порядка Демидов, тем более, что полезные новшества льются словно бы из рога изобилия. Не всегда и не совсем Акинфий был согласен, но вот эта паровая машина... Чудо. И железная дорога, вернее деревянные рельсы, покрытые медью, очень сильно

облегчают работу. Скоро между двумя заводами проложат и будет ходить конка. Столько всего...

— Ты пойми, Акинфий Никитич, сие, дабы серебра больше ушло, нужно и тебе и мне. У меня есть цифирь, у тебя есть серебро, кое по царевому уговору ты себе оставляешь. Я бумаги по чину подпишем.

— Сколько нужно? — глухо, не оборачиваясь, спросил Демидов.

— Пятьдесят пудов серебра к первому числу. И удвоить выпуск двенадцатифунтовых пушек, — спокойно ответил Татищев. — Государь собирает армию на Юге. Говорят, персидский хан прислал клятву верности. Восток закипает. Нам нужен металл. Много металла.

Татищев развернулся и направился к лестнице. У самых ступеней он остановился.

— К слову, Акинфий Никитич... Мои люди нашли в тайге странную печь. Далековато от твоих основных заводов. Очень похожа на ту, где плавят драгоценный металл, а не медь. Я приказал ее сровнять с землей. Надеюсь, ты не в обиде? А коли бы она еще и пользованная была, то не взыщи. Заброшена. Это ты правильно сделал, что испужался. Но более... не нужно.

Демидов промолчал, до хруста в суставах вцепившись в чугунные перила.

Когда шаги Татищева стихли, Акинфий поднял глаза на кровавое зарево над своими заводами. Империя пожирала его труд, пережевывая его серебро в ядра и штыки. Но он был Демидовым.

«Я дам вам пушки. Я дам вам серебро, — мрачно подумал он, глядя на дымящую паровую машину. — Но я уйду еще глубже. На Алтай. Туда, куда не дотянется длинная рука Татищева. И там я построю такое, от чего содрогнется сам дьявол».

От автора:

Участники клуба реконструкции "Витязь" перенеслись в прошлое, в май 1941 года.https://author.today/work/619118

Глава 5

Очаков
23 июня 1726 год

Город кипел. Пусть войска не вошли по большей части в Очаков, но все вокруг было заполнено воинами. При этом авангард уже достиг Перекопа и там начались работы по обустройству лагеря, как и оборонительных линий. Взять эту твердыню, которую русские усовершенствовали было невозможно.

И визирю пришлось применить всю свою власть, несмотря на ранение, все же он добился отмены штурма.

— Взять одним приступом Перекоп – это лишиться армии. Русские этого и ждут, наших безумных штурмов. Нужно все делать по уму, – говорил из последних сил, требовавшихся чтобы оставаться на ногах, визирь.

— Твое решение, – отмахнулся султан. – Но так войны не выигрывают.

Султану Ахмеду было неприятен этот разговор. Впрочем, и визирь Невшехирли Дамат Ибрагим-паша, тоже не получал удовольствия.

— Великий Повелитель... Мы проиграли эту войну. Нам нужно уйти за Дунай и крепко стать там, — Великий визирь говорил глухо, тяжело опираясь здоровой рукой о край инкрустированного столика.

Его левая рука висела на перевязи, и сквозь дорогие шелка бинта проступало темное, влажное пятно. Расстроен он был, впрочем, явно не из-за ноющей раны. Нужно вести войну умно, от обороны. Это уже понятно. И та тактика выжженной земли, которую русским почти удалось осуществить, не позволяет находится тут, вдали от линий снабжения, многочисленным войскам султана.

— Проиграли? Ты в себе ли? Вместо того чтобы сдаваться, как подлый трус, лучше бы взял себя в руки и начал действовать! — нервно отмахнулся Ахмед III. Султан то и дело поглядывал на расшитый золотом полог у входа в свой великолепнейший двухэтажный походный шатер, раскинутый посреди сухой таврической степи.

Он ждал. Ждал, когда появятся слуги и, склонившись до самой земли, доложат, что всё готово к отъезду Падишаха Османской империи обратно домой, за спасительные стены Константинополя. Предлогом для скорого бегства — даже для самого себя, чтобы хоть немного примириться с уязвленной гордостью, — служило то, что присутствие правителя требовалось не только здесь, у наскоро укрепленного Крымского Перекопа. В империи полыхали места и пожарче.

И речь шла отнюдь не о природном зное. Нынешнее лето выдалось на редкость прохладным, совсем не похожим на то привычное пекло, в котором османская армия чувствовала себя как рыба в воде. Словно сам Аллах отвернулся от правоверных и благоволил неверным, укрывая урусов от удушливой жары, посылая им спасительные дожди, туманы и прохладу.

Горячо было от нарастающего бунта в балканских вилайетах. Христиане взяли в руки оружие, называя это освободительной войной. И хотя пока резня не стала повсеместной, в ставку стекались такие кровавые сводки, что впору было реально задуматься о сворачивании кампании в Крыму. Нужно было высвободить костяк армии и срочно направить янычарские орты на усиление гарнизонов от Румелии до Мореи.

Но султан всё еще цеплялся за объявленный джихад. Эта священная мобилизация — прежде всего духовная, за которой неминуемо должна была последовать мобилизация людей и припасов, — давала призрачную надежду как минимум не проиграть эту войну. Тем более что удалось быстро, дипломатическим изворотом, заключить мир с одним из претендентов на пер-

сидский престол. Сейчас турецкие корпуса помогали наводить порядок в растерзанной Персии, чтобы впоследствии тянуть из нее все соки, зерно и тягловый скот для войны с Россией.

— Мы ведь еще даже не вступили в большую войну, еще не случилось ни одного генерального сражения, чтобы ты так паниковал! Я не узнаю тебя, мой старый верный друг, — султан раздраженно развел руками, блеснув тяжелыми перстнями. — И разве те сто пятьдесят новейших пушек, которые тайно переслали нам французы, не помогут тебе в бою? Разве те сорок тысяч отличных карабинов из их арсеналов не помогут тебе скосить ряды русских?

Визирь молчал, глядя на устилающие землю ковры. Действительно, на бумаге всё выглядело так, будто турецкая армия уж точно не слабее русской. Собрав колоссальные ресурсы, турки нарастили такую численность войск, какой, возможно, не собирали со времен осады Вены. Сейчас к Перекопу подходила необозримая орда почти в сто пятьдесят тысяч человек.

Но визирь Дамат Ибрагим-паша знал им цену. Значительную часть этого войска составляли разрозненные племенные отряды из глубокой Азии — курды, арабы, ополченцы из анатолийских деревень. Порой они даже не понимали, чего от них хотят офицеры, так как вовсе не владели турецким языком, признавая лишь своих шейхов.

Были по истине готовые и мотивированные подразделения. Тех же янычар никак нельзя списывать со счетов. Воины всю жизнь учатся воевать и умирать. Даже если и наука их устарела, это не зеленый рекрут-первогодка. Полки по европейскому образцу имелись. Артиллерия была... с гениальными артиллеристами. Так что не все потеряно, не все.

А для султана, смотрящего на мир из шатра, слышащего обстановку из льстивых речей сановников, армия оставалось слепой, сокрушительной силой. А подробности... они Ахмеду нужны при разговоре о тюльпанах, о новых фонтанах и строительстве разных украшательств в Константинополе.

Пора уходить. Причем, султану придется плыть, что подается, как нормой, но вот все иначе... Страх перед бескрайними степными просторами был у Ахмеда и не спроста.

Уже сейчас в выжженной солнцем степи разворачивалась война бескомпромиссная и страшная. Пока основные регулярные армии тяжелыми, неповоротливыми громадами стояли друг напротив друга у перешейка, готовясь вступить в генеральную схватку, передовые отряды рвали друг друга на части. Легкая османская кавалерия и татарские всадники встретились там с башкирами и калмыцкими тайшами, пришедшими под знаменами белого царя. Они резали друг друга в высокой ковыли с таким жутким ожесточением, что казалось, в пересохших балках вот-вот образуются новые озера и протоки, наполненные одной лишь человеческой кровью.

В такой войне, когда из-за любого кургана или небольшой рощицы-перелеска, изредка встречающихся в степи, в любой момент могла с диким гиканьем выскочить сотня-другая степняков, сражающихся за Россию, налаживать сухопутную логистику было просто невозможно. Обозы горели каждый день. Но это если не было возможности увести все телеги к себе, к одному из ближайших небольших городков России.

Немало крови портили туркам и казаки. И хотя конных среди них было меньше — далеко не каждый малоросс имел справного боевого коня, в отличие от природных кочевников, — рубили они не менее яростно.

Попытки преследовать уже были. Но и засады срабатывали на такую погоню. А что не городок-крепостица, то требовала вдумчивого подхода и артиллерии, чтобы ее взять. Так что или распылять свои силы, или бить с основательной силой и брать Перекоп. Быстрее, пока еще есть остатки прежнего снабжения.

Ведь единственный надежный путь, которым могла снабжаться огромная турецкая армия, оставался водным. И пока что на море русские ничего по-настоящему серьезного османским линейным кораблям противопоставить не могли. Их азовские галеры были страшны в шхерах, но в открытом море пасовали. Тем не менее, любой морской конвой, что приходил из-за Босфора в Хаджибей или Очаков, теперь приходилось сопровождать немалым числом

тяжелых военных кораблей. Оказалось, что русские не настолько слабы на воде и выставить против турецкого флота небольшую, но зубастую крейсерскую эскадру способны уже сейчас.

— Я всё же скажу тебе это, Великий Повелитель, чтобы потом ты никогда не смог упрекнуть меня в том, что я промолчал, — набравшись смелости, всё же решился высказаться визирь, глядя прямо в глаза султану. — Мы можем держать фронт только до тех пор, пока наши порты бесперебойно принимают оружие и провиант из Малой Азии, Синопа и Трапезунда, из Варны, или из самого Константинополя. Но урусы знают это наше уязвимое место. Если их галеры каким-то чудом заблокируют, например, Очаков, в армии очень скоро начнется голод. И кони станут столь слабыми, что сипахи просто не смогут повести их в атаку.

Султан брезгливо поморщился. Кому же будет приятно слышать столь бескомпромиссные и отнюдь не оптимистичные прогнозы накануне отъезда? Ахмед III и так бежал отсюда, словно чуя запах неминуемого, позорного поражения. Он спешил уехать, чтобы в случае катастрофы его самого не обвинили в неудаче. Чтобы именно этого визиря — раненого, мудрого, но уже, по всей видимости, потерявшего веру в победу — можно было швырнуть толпе, обвинить во всех смертных грехах и отвести от трона гнев фанатичного духовенства и буйных янычар.

Он, конечно, выслушает старика сейчас. Но потом, если случится худшее, султан будет со слезами на глазах утверждать перед Диваном, что умолял о совете, но Великий визирь ничего подобного ему не докладывал и никаких предупреждений с его стороны не поступало.

Но всё это было лишь возможным будущим, которое вовсе не обязательно должно было случиться. Война — девка переменчивая. Всё еще могло кардинальным образом обернуться в пользу Османов. В конце концов, степную войну можно было и выиграть, по крайней мере, если бросить сипахов на усиление охраны береговых коммуникаций и обеспечить доставку всего необходимого для регулярной армии.

— А почему ты не создаешь ту систему, которую сделали русские? — требовательно спросил Ахмед III. — Их малые крепости, поставленные ровно в одном конном переходе друг от друга — это такая дьявольская находка, что мы никак не сможем перерубить их пути снабжения! Если только, конечно, не перекроем полностью и целиком весь Перекоп.

“Он не понимает, что это работа не одного года? А еще если русские везли древесину с севера для постройки, то откуда ее брать туркам?” – подумал Дамат Ибрагим-паша.

Вот только ответить визирь не успел. Внезапно тяжелый шелковый полог на входе в великолепный шатер распахнулся. Внутрь, обдав присутствующих густым облаком сладких мускусных благовоний, шагнул Кызляр-ага — главный евнух и распорядитель султанского двора.

— О, Великий Падишах! Мы полностью готовы к отбытию. И почти весь военный флот стянут к берегу, чтобы сопровождать своего великого правителя на морском пути в Константинополь, — пафосно и торжественно, согнувшись в три погибели, пропел евнух.

Визирь скрипнул зубами. Этот скопец был единственным его серьезным соперником за уши султана, и то, что он уводил «почти весь флот» ради личной охраны трусливого владыки, оголяя линии снабжения армии, граничило с государственной изменой.

Неожиданно прытко, совершенно забыв о подобающем величии, султан вскочил с расшитых золотом подушек. Он рванул к выходу с такой скоростью, словно бы шатер уже полыхал огнем, а великое тело Повелителя правоверных никто не удосужился вынести на руках. Шелковые полы его халата лишь мелькнули в дверном проеме.

Визирь остался в гордом, звенящем одиночестве.

Единственное, в чем он мог найти хоть какую-то радость в случившемся позоре, было то, что этот огромный шатер со всем немыслимо дорогим содержимым оставался ему. Не сказать, что личное походное снаряжение Великого визиря сильно уступало султанскому, но разница все же была ощутимой.

Приятным дополнением стали и те три наложницы, которые чем-то провинились перед падишахом и были брошены здесь за ненадобностью. Молодые славянские женщины, взятые в

плен где-то на приграничье, испуганно жались в дальнем углу шатра. Они, безусловно, будут радовать глаз старому сановнику. И, быть может, не только глаз — крепкое здоровье пока еще позволяло ему такие вольности.

Но все это казалось попыткой найти крупицу чистого жемчуга в огромной, зловонной яме дерьма. Это было равносильно тому, чтобы любоваться навозной мухой или копошащимся белым опарышем, утешая себя философской мыслью, что они — тоже божьи твари. Пусть копошатся в своей грязи, но человеку, облеченному властью над империей, там точно не место. Нельзя найти в плохом хорошее.

Однако визирь не был из тех слабовольных людей, которые в трудный час опускают руки и предаются жалкой меланхолии, ничего не делая. Он привык работать как вол. Даже в самой, казалось бы, безвыходной ситуации он не смотрел на пугающий ворох проблем целиком, а методично, одну за другой, начинал их распутывать. Главное — делать дело, а там, глядишь, и Аллах поможет усердному, и всё сложится так, как нужно для победы.

Сама ставка визиря пока находилась в Очакове. И не только потому, что за толстыми стенами обновленной цитадели было безопаснее. Главной причиной было то, что здесь французские и османские инженеры изрядно усилили береговую инфраструктуру, наладив глубоководные пирсы для бесперебойной приемки тяжелых транспортов. Некоторое время визирю жизненно необходимо лично следить за тем, чтобы порох, ядра и провиант сгружались вовремя. Ему приходилось лично стоять над душой у флотских командиров, от которых теперь зависел весь исход южной кампании.

Как известно, без крепкого пинка под зад мало кто хочет надрываться на казенной службе. То же самое касалось и османских капитанов. Если не давать им расхолаживаться и заставить портовые службы работать слаженно, как единый механизм, можно было ускорить оборачиваемость судов по морю буквально в два раза.

Для этого Великий визирь проводил личные беседы в казематах крепости едва ли не с каждым реисом торгового или военного корабля. В одной руке он держал тяжелый кошель с золотом, обещая капитану настоящие золотые горы за исправную и быструю доставку. В другой — незримо поигрывал шелковым шнурком палача, напоминая о цене за опоздание.

Пробыв в суете очаковского порта еще четыре дня и удостоверившись, что конвои пошли ритмично, визирь прислушался к своему телу. Раненая рука беспокоила все меньше, сукровица больше не сочилась сквозь бинты. Посчитав, что теперь его личное присутствие необходимо там, где решается судьба империи, Великий визирь приказал седлать коней и с сильным конвоем сипахов отправился прямиком к Перекопу.

Здесь, у горловины Крыма, вовсю кипела адская, изматывающая работа. Десятки тысяч воинов, согнанных со всех концов империи, словно муравьи, вгрызались в сухую таврическую землю. Даже надменных гордецов-степняков, презиравших любой труд, кроме воинского, свистом плетей и угрозой ятагана заставили встать на лопату. Только янычары исполняли роль надсмотрщиков. Да и это было уже принуждением для таких вот гвардейцев.

Все безостановочно копали глубокие траншеи, возводили реданы и люнеты, готовя одновременно и глубоко эшелонированную оборону, и разветвленную сеть подходов к мощной — восьмикилометровой оборонительной линии Перекопа.

Земляные работы велись настолько масштабные, что их можно было бы сравнить разве что с теми грандиозными сапами, которые османская армия тянула к стенам Вены в тысяча шестьсот восемьдесят третьем году. Или нет, если присмотреться к изрытой до неузнаваемости степи, здесь, возле Перекопа — как бы это ни звучало словно горький каламбур, — копали намного больше и яростнее.

Но не только на оборонительно-осадными сооружениями собирались турки воевать. Появился у них свой гений, может и не один.

— Вы уже знаете, паши и аги, по донесениям, что русские начали применять некие воздушные бомбы, сыплющие картечь прямо на головы защитникам крепостей. Так пал Азов. Как спастись от них в открытом поле? Я вижу выход только в одном, — голос Искандера Челеби, надзиравшего за фортификацией, звучал сухо и скрипуче, перекрывая гул тысячеголосой стройки. — Нам нужны большие, тяжелые щиты из бревен и сырых шкур. Они будут крепиться шарнирами над траншеями. Как только наблюдатели заметят, что в воздух взлетают вражеские гранаты, тут же должны срабатывать механизмы противовесов! Или же специально обученные люди должны резко натягивать канаты, роняя бревна-щиты, под которыми в траншеях смогут укрыться от осколков наши воины!

Все эти спасительные инженерные новшества, которые сейчас молча выслушивал прибывший в ставку Великий визирь, предлагал именно он — Искандер «Мюхендис» Челеби, которого в войсках за глаза уже прозвали Пороховой Искандер. На самом же деле звали его Искандер-паша Ал-Барут.

Босниец по происхождению, он, как и многие, в малолетнем возрасте был изъят у христианских родителей по налогу «девширме». Первоначально его обучали в корпусе янычар, готовя из него безжалостную машину для убийств. Но к строевой службе он оказался не слишком годен.

В какой-то момент юноша стал сильно прихрамывать. То была мутная, некрасивая история: в казармах Искандер сцепился с более сильными рекрутами, и ему жестоко сломали ногу. Чтобы избежать позора, он никому не признался, перетерпел боль, но кость срослась криво и неудачно. На повторную операцию, которую недавно, с показной бравадой, предлагал один заезжий французский хирург, жаждавший зарекомендовать себя в Стамбуле чуть ли не медиком от Бога, Искандер так и не решился. Не из-за страха. Времени не было катастрофически.

Впрочем, строевой шаг ему был и не нужен. Искандер вырос высоким, сутулым человеком, с въевшейся в кожу гарью. Но его острый ум компенсировал физические недостатки. Будучи еще совсем молодым писарем, он участвовал в Великом посольстве во Францию. Пока послы пили шербет в садах Тюильри, беззастенчиво пускали слюни на женские декольте, чтобы после рассказывать о беззастенчивом стыде дам высшего французского света, писарь работал.

Искандер вел тайные записи, жадно скупал чертежи и встречался с нужными людьми — прежде всего инженерами и мастерами артиллерийского дела.

По возвращении в империю он оказался никому не нужен со своими идеями. Многие его знания, и даже то, что он додумался в секретных мастерских смешивать качественную европейскую селитру с сырой нефтью-нафтой, получая зажигательные бомбы невероятной силы, пылились в архивах Топхане. Султана больше интересовали новые сорта тюльпанов, чем новые пушки.

Предыдущая война со Священной Римской империей в тысяча семьсот семнадцатом году прошла слишком скоротечно, чтобы вызвать глобальные реформы. Султан хотел их, общество не созрело, не получило свою “Нарву”, поражения, которое привело к слому системы. Ну и Ахмед ни разу не был Петром Алексеевичем. Хотя все же куцые реформы в армии случились. Доказательством тому были солдаты на новый, европейский образец.

Да и тогда, во время последнего европейского конфликта Османской империи, Искандеру было маловато лет, чтобы к нему прислушивались паши; ему и сейчас было лишь тридцать три года. Проявить свой гений он нигде не мог, особенно учитывая то, что бесконечные пограничные стычки с Персией не требовали высоких технологий, и там даже казалось, что артиллерия играет сугубо второстепенную роль. Правда, сам Искандер прекрасно понимал: дело было лишь в том, что бездарные османские командиры просто не умели ее правильно применять.

И вот год назад, когда только закручивалась тяжелая Бахмутская авантюра, Великий визирь — человек куда более дальновидный, чем султан, — уже прогнозировал, что если

русские выкрутятся из ловушки, то начнется фундаментальное, беспощадное противостояние между двумя империями. Именно тогда визирь начал тайно искать людей, способных не просто махать саблей, а изобрести хоть что-то новое, чем можно было бы больно ударить русских технологически.

Так из безвестности был извлечен этот сгорбленный человек. С вечно перепачканными чернилами пальцами, в дорогих, диковинных для Востока венецианских очках, да еще и прихрамывающий при ходьбе, он не вызывал уважения у пышных янычарских аг.

Но именно он, Искандер-паша Ал-Барут, стал сейчас главной и последней надеждой артиллерии основного войска Османской империи. И хотя французы в значительной степени помогали — десятки их тайных советников служили в корпусе пушкарей, — главным здесь, на Перекопе, был он. И его воле подчинялись беспрекословно.

А первым заместителем и правой рукой этого сутулого гения стал человек совершенно иного склада — молодой, непомерно амбициозный и на удивление одаренный французский аристократ Клод Александр де Бонневаль.

Узнав о том, что между Османской империей и Россией вот-вот вспыхнет полномасштабная война, он, гонимый жаждой славы и ссорой с собственным окружением, немедленно прибыл в Высокую Порту. Буквально за несколько месяцев де Бонневаль зарекомендовал себя как блестящий артиллерист и организатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.